

НО

Моск. комсомолец. - 2005. - Октябрь. - с. 6

Сегодня в "Пушкинском" должно быть весело и даже смешно до слез — именно так наши люди встречают наши комедии. И "Бедные родственники" тоже должны не подкачать.

По крайней мере, на первом столичном показе в рамках Московского кинофестиваля зал, несмотря на духоту, почти рыдал от хохота. Так тронула зрителя история авантюриста Эдика в исполнении Константина Хабенского (некоторые называют эту его роль — лучшей, а на "Кинотавре" он за нее получил приз за лучшую мужскую роль), решившего подработать на слезе богатеньких заморских граждан, надеющихся обрести родню в России.

Родня по напиму

ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ

Павел Лунгин вывел в люди "Бедных родственников"

— Павел Семенович, чем навеяна история о "Бедных родственниках"?

— Ее написал Геннадий Островский. Это один из тех редких сценариев, который попал ко мне в готовом виде. Конечно, ситуация с поиском фальшивых родственников в чем-то похожа на торговлю мертвыми душами. Но это совпадение. У меня даже не возникла мысль осовременить Гоголя, как вы, наверное, подумали.

— Было такое в реальности?

— А что? Вполне возможно! (Смеется.)

— Импровизировали на площадке?

— Конечно. Почти все шутки придумали во время работы над картиной. Моя система работы с актерами во многом импровизационная. Существует сценарий, написанный на бумаге, и когда он во время съемок начинает оживать, актеры входят в образы, что-то меняется, появляются новые слова, новые нюансы. Например, в сцене, когда герой Хабенского моется в ванной, или постельная сцена с Колякановой. Импровизация и есть самое интересное в нашем деле.

— А кто инициатор?

— По-разному бывает. Прятать кольцо в рот, например, придумал Хабенский, вытирать грязные ноги о траву — тоже. Так Костя решил подчеркнуть характер человека, который настолько боится потерять свое имущество, что занятие любовью из удовольствия превращается для него в тяжелую работу.

— Сами на съемках смеялись?

— Очень много. Это была веселая, творческая атмосфера. Я даже в какой-то момент испугался, что вот, мол, снимаем в таком радостном одурении, а зрителям фильм покажется не смешным. И когда во время демонстрации "Родственников" я услышал смех в зале, для меня это стало главным облегчением. Ведь стараешься, чтобы удовольствие работы над фильмом прошло через целлулоид к зрителю.

— Где проходили основные съемки?

— В Симеизе. Там была атмосфера расслабленного южного города. Не хотелось пускать фильм по линии глубокого реализма, что вот, мол, их жалко, родственники бедные, чтобы зритель видел грязь, серые панельные дома. Решил не превращать историю только в повествование о бедных и богатых, хотелось сделать историю вообще. Они бедные по-

тому, что они хотят любить, потому что они одиноки. И неизвестно, кто из них бедный, кто из-за границы приехал или телжеродственники, кто тут живет.

— Реквизит пострадал на съемках?

— Конечно. (Смеется.) Например, Гармаш так вошел в раж, когда снимали сцену, где он буйствовал и разгромил полдома, что не хотелось его останавливать. Ради этого строили, прикручивали, окна меняли, потом снова ломали, снова прикручивали.

— Каневский в основном работает за границей — сложно было его вызвать?

— Он играет в израильском театре "Гешер", который каждый год приезжает к нам на гастроли. На одном из спектаклей Я Каневского увидел и понял, что одна из ролей идеально для него подходит. Леня — замечательный актер. Несмотря на то что в Москве бывает нечасто, его по-прежнему узнают на улице. Он настолько обаятельный и добрый человек, что, кроме любви, никаких отрицательных чувств не вызывает. Каневский относится к той категории людей, для которых дружба в жизни — самое главное. Он тут постоянно находился в окружении поклонников. Когда мы снимали, к нему приезжали друзья, чтобышний раз увидеться с ним.

— Сложнее снимать по чужому или собственному сценарию?

— Не знаю... Что-то я стал ленив в последнее время. Чем больше я снимаю, тем меньше пишу. Это, конечно, очень жалко. Потому что надо, конечно, снимать по собственным сценариям. А теперь меня стал пугать чистый лист бумаги... Возможно, потому, что сценарист работает в тишине и одиночестве, а режиссер стремится к преодолению в окружении большой компании. Всех надо увлечь, передать энергию. А написание сценария — ежедневная тренировка и тяжелый труд. Там нет радостной творческой свободы, как у писателя. Поэтому графоманы встречаются только среди писателей: поел супчику и сел за машинку. А сценарий никогда не можешь писать от себя и о себе — тут ты следишь за действием, заставляешь жить других людей, потому что надо проживать то, что сам бы никогда не прожил.

— Мы теряем вас как сценариста?

— Нет. (Улыбается.) Даже когда снимаю по чужим сценариям, я их прорабатываю, подгоняю под себя. И раздумываю, что в этом беге пора остановиться и написать новый "Такси-блюз". Возможно, продолжение этой истории...

Лариса РЕЗНИКОВА.